

ОЛИМПИАДА ПО ЛИТЕРАТУРЕ

Задания

Задание 1. Ниже приведены строки поэтических произведений известных российских поэтов.

А) Напишите, перу какого поэта или какой поэтессы принадлежит каждое из процитированных стихотворений. Произведения разделены на три группы. В каждой группе представлены стихотворения двух авторов. Стихотворные тексты расположены по алфавиту. **Максимальный балл – 15 баллов.**

Б) Перечислите по 3-5 произведений (это может быть проза, драматургия или лирика) каждого из этих авторов. Учтите, что это не должны быть произведения, процитированные в приведённых нами таблицах. **Максимальный балл – 15 баллов.**

Итого за задание 1 – 30 баллов.

1)

<p>А) Вновь Исакий в облаченьи Из литого серебра. Стынет в грозном нетерпеньи Конь Великого Петра.</p> <p>Ветер душный и суровый С чёрных труб сметает гарь... Ах! своей столицей новой Недоволен государь.</p>	<p>Е) Настоящую нежность не спутаешь Ни с чем, и она тиха. Ты напрасно бережно кутаешь Мне плечи и грудь в меха. И напрасно слова покорные Говоришь о первой любви...</p>
<p>Б) Дал Ты мне молодость трудную. Столько печали в пути. Как же мне душу скудную Богатой Тебе принести? Долгую песню, льстивая, О славе поет судьба. Господи! я нерадивая, Твоя скупая раба.</p>	<p>Ё) С большою нежностью – потому, Что скоро уйду от всех – Я все раздумываю, кому Достанется волчий мех,</p> <p>Кому – развеживающий плед И тонкая трость с борзой, Кому – серебряный мой браслет, Осыпанный бирюзой...</p>
<p>В) Думали – человек! И умереть заставили. Умер теперь. Навек. – Плачьте о мёртвом ангеле! <...></p> <p>О, поглядите – как Веки ввалились тёмные! О, поглядите, как Крылья его поломаны!</p>	<p>Ж) Так просто можно жизнь покинуть эту, Бездумно и безбольно догореть. Но не дано Российскому поэту Такою светлой смертью умереть.</p> <p>Всего верней свинец душе крылатой Небесные откроет рубежи, Иль хриплый ужас лапою косматой Из сердца, как из губки, выжмет жизнь.</p>
<p>Г) Молодость моя! Моя чужая Молодость! Мой сапожок непарный! Воспаленные глаза сужая, Так листок срывают календарный.</p>	<p>З) Я научилась просто, мудро жить, Смотреть на небо и молиться Богу, И долго перед вечером бродить, Чтоб утомить ненужную тревогу.</p>

<p>Ничего из всей твоей добычи Не взяла задумчивая Муза. Молодость моя! – Назад не кличу– Ты была мне ношей и обузой.</p>	<p>Когда шуршат в овраге лопухи И никнет гроздь рябины желто-красной, Слагаю я веселые стихи О жизни тленной, тленной и прекрасной.</p>
<p>Д) Над городом, отвергнутым Петром, Перекатился колокольный гром. Гремучий опрокинулся прибор Над женщиной, отвергнутой тобой. Царю Петру и вам, о царь, хвала! Но выше вас, цари, колокола.</p>	<p>И) Я счастлива жить образцово и просто – Как солнце, как маятник, как календарь. Быть светской пустыннолицей стройного роста, Премудрой – как всякая божия тварь. Знать: дух – мой сподвижник и дух – мой вожатый! Входить без доклада, как луч и как взгляд. Жить так, как пишу: образцово и сжато – Как Бог повелел и друзья не велят.</p>

2)

<p>А) Белеет парус одинокой В тумане моря голубом!.. Что ищет он в стране далёкой? Что кинул он в краю родном?..</p>	<p>Е) Нет, я не Байрон, я другой, Ещё неведомый избранник, Как он гонимый миром странник, Но только с русскою душой.</p>
<p>Б) Выхожу один я на дорогу; Сквозь туман кремнистый путь блестит; Ночь тиха. Пустыня внемлет Богу, И звезда с звездою говорит.</p> <p>В небесах торжественно и чудно! Спит земля в сиянье голубом... Что же мне так больно и так трудно? Жду ль чего? жалею ли о чём?</p>	<p>Ё) Пока свободою горим, Пока сердца для чести живы, Мой друг, отчизне посвятим Души прекрасные порывы!</p>
<p>В) Зима!.. Крестьянин, торжествуя, На дровнях обновляет путь; Его лошадка, снег почуя, Плетётся рысью как-нибудь; Бразды пушистые взрывая, Летит кибитка удалая; Ямщик сидит на облучке В тулупе, в красном кушаке.</p>	<p>Ж) По небу полуночи ангел летел, И тихую песню он пел; И месяц, и звёзды, и тучи толпой Внимали той песне святой.</p> <p>Он пел о блаженстве безгрешных духов Под кущами райских садов; О Боге великом он пел, и хвала Его непритворна была.</p>
<p>Г) И скучно и грустно, и некому руку подать В минуту душевной невзгоды... Желанья!.. что пользы напрасно и вечно желать?.. А годы проходят – все лучшие годы!</p>	<p>З) Я вас любил: любовь ещё, быть может, В душе моей угасла не совсем; Но пусть она вас больше не тревожит; Я не хочу печалить вас ничем. Я вас любил безмолвно, безнадежно, То робостью, то ревностью томим; Я вас любил так искренно, так нежно, Как дай вам Бог любимой быть другим.</p>

<p>Д) Мороз и солнце; день чудесный! Ещё ты дремлешь, друг прелестный – Пора, красавица, проснись: Открой сомкнуты негой взоры Навстречу северной Авроры, Звездою севера явись!</p>	<p>И) Я памятник себе воздвиг нерукотвор- ный, К нему не зарастет народная тропа, Вознёсся выше он главою непокорной Александрийского столпа.</p>
--	---

3)

<p>А) Есть в осени первоначальной Короткая, но дивная пора – Весь день стоит как бы хрустальный, И лучезарны вечера...</p> <p>Где бодрый серп гулял и падал колос, Теперь уж пусто всё – простор везде, – Лишь паутины тонкий волос Блестит на праздной борозде.</p>	<p>Е) Она сидела на полу И груди писем разбирала – И, как остывшую золу, Брала их в руки и бросала –</p> <p>Брала знакомые листы И чудно так на них глядела, Как души смотрят с высоты На ими брошенное тело...</p>
<p>Б) Ещё в полях белеет снег, А воды уж весной шумят – Бегут и будят сонный брег, Бегут и блещут и гласят...</p> <p>Они гласят во все концы: "Весна идёт, весна идёт! Мы молодой Весны гонцы, Она нас выслала вперёд!"</p>	<p>Ё) Умом Россию не понять, Аршином общим не измерить: У ней особенная стать – В Россию можно только верить.</p>
<p>В) Когда читала ты мучительные строки, Где сердца звучный пыл сиянье льёт кругом И страсти роковой вздымаются потоки, – Не вспомнила ль о чём?</p> <p>Я верить не хочу! Когда в степи, как диво, В полночной темноте безвременно горя, Вдали перед тобой прозрачно и красиво Вставала вдруг заря.</p>	<p>Ж) Чародейкою Зимою Околдован, лес стоит – И под снежной бахромою, Неподвижною, немою, Чудной жизнью он блестит.</p> <p>И стоит он, околдован, – Не мертвец и не живой – Сном волшебным очарован, Весь опутан, весь окован Лёгкой цепью пуховой...</p>
<p>Г) Люблю грозу в начале мая, Когда весенний, первый гром, Как бы резвяся и играя, Грохочет в небе голубом.</p> <p>Гремят раскаты молодые, Вот дождик брызнул, пыль летит, Повисли перлы дождевые, И солнце нити золотит.</p>	<p>З) Шёпот, робкое дыханье, Трели соловья, Серебро и колыханье Сонного ручья,</p> <p>Свет ночной, ночные тени, Тени без конца, Ряд волшебных изменений Милого лица...</p>

<p>Д) На заре ты её не буди, На заре она сладко так спит; Утро дышит у ней на груди, Ярко пышет на ямках ланит.</p> <p>И подушка её горяча, И горяч утомительный сон, И, чернеясь, бегут на плеча Косы лентой с обеих сторон.</p>	<p>И) Я пришёл к тебе с приветом, Рассказать, что солнце встало, Что оно горячим светом По листам затрепетало;</p> <p>Рассказать, что лес проснулся, Весь проснулся, веткой каждой, Каждой птицей встрепенулся И весенней полон жаждой...</p>
---	---

Задание 2. Прочитайте стихотворение Александра Галича «Ночной дозор» (1963) и напишите сочинение-анализ, учитывая ответы на следующие вопросы.

Когда в городе гаснут праздники,
Когда грешники спят и праведники,
Государственные запасники
Покидают тихонько памятники.
Сотни тысяч (и все – похожие)
Вдоль по лунной идут дорожке,
И случайные прохожие
Кувыркаются в "неотложке"
И бьют барабаны!..
Бьют барабаны,
Бьют, бьют, бьют!

На часах замирает маятник,
Стрелки рвутся бежать обратно:
Одинокий шагает памятник,
Повторённый тысячекратно.
То он в бронзе, а то он в мраморе,
То он с трубкой, а то без трубки,
И за ним, как барашки на море,
Чешут гипсовые обрубки.
И бьют барабаны!..
Бьют барабаны,
Бьют, бьют, бьют!
Я открою окно, я высунусь,
Дрожь пронзит, будто сто по Цельсию!
Вижу: бронзовый генералиссимус
Шутовскую ведет процессию!
Он выходит на место лобное –
Гений всех времён и народов! –
И, как в старое время доброе,

Принимает парад уродов!
И бьют барабаны!..
Бьют барабаны,
Бьют, бьют, бьют!

Прёт стеной мимо дома нашего
Хлам, забытый в углу уборщицей, –
Вот сапог громыкает маршево,
Вот обломанный ус топорщится!
Им пока – скрипеть да поругиваться,
Да следы оставлять линючие,
Но уверена даже пуговица,
Что сгодится ещё при случае!
И бьют барабаны!..
Бьют барабаны,
Бьют, бьют, бьют!

Утро родины нашей – розово,
Позывные летят, попискивая.
Восвояси уходит бронзовый,
Но лежат, притаившись, гипсовые.
Пусть до времени покалечены,
Но и в прахе хранят обличие.
Им бы, гипсовым, человечины –
Они вновь обретут величие!
И бьют барабаны!..
Бьют барабаны,
Бьют, бьют, бьют!

1. С каким важным историческим процессом советской эпохи, связано стихотворение «Ночной дозор», учитывая, что оно было написано в 1963 году?
2. О каком политике советской эпохи идет речь в стихотворении?
3. По каким приметам, упомянутым в стихотворении, можно реконструировать его внешний облик и специфику его политического режима?
4. Подумайте, почему Александр Галич не называет его полным именем. Как это влияет на смысл стихотворения?
5. Определите, в каком конкретном пространстве разворачивается сюжет стихотворения, и объясните, почему Галичу важно именно это место России?
6. Почему парад памятников происходит именно лунной ночью, «когда в городе гаснут праздники», и почему он заканчивается утром?
7. Почему поэт указывает на особое состояние времени: «на часах замирает маятник, стрелки рвутся бежать обратно»?
8. Что означает рефрен стихотворения «бьют барабаны», и для чего нужен повтор этой строчки?
9. Выпишите слова, выражения, образы, подчеркивающие противопоставление живого и мертвого, человеческого и античеловеческого.
10. Определите тему стихотворения и покажите, как она связана с его названием «Ночной дозор».

Максимальный балл за задание 2 – 30 баллов.

Задание 3. Прочитайте произведение Кира Булычёва «Можно попросить Нину?» и выполните следующие задания

1. О чём бы вы в 2017 году поговорили с Ниной из 1942 г.? Составьте свой диалог с героиней. Напишите сочинение (объём слов – не более 200).
2. Проанализируйте название рассказа.
В 1979 году на киностудии Мосфильм режиссёром Константином Осиним был снят короткометражный художественный фильм «Что-то с телефоном» по мотивам фантастического рассказа Кира Булычёва «Можно попросить Нину?». Сравните названия рассказа и фильма. А какой вариант названия рассказа могли бы предложить Вы? Кратко мотивируйте свой вариант названия.
3. Проанализируйте диалог героев как основное средство раскрытия характера и приём фантастического совмещения времён.

Максимальный балл за задание 3 – 70 баллов

Кир Булычёв (1934-2003)

Рассказ «Можно попросить Нину?» (1973)

– Можно попросить Нину? – сказал я.

– Это я, Нина.

– Да? Почему у тебя такой странный голос?

– Странный голос?

– Не твой. Тонкий. Ты огорчена чем-нибудь?

– Не знаю.

– Может быть, мне не стоило звонить?

– А кто говорит?

– С каких пор ты перестала меня узнавать?

– Кого узнавать?

Голос был моложе Нины лет на двадцать. А на самом деле Нинин голос лишь лет на пять моложе хозяйки. Если человека не знаешь, по голосу его возраст угадать трудно. Голоса часто старятся раньше владельцев. Или долго остаются молодыми.

– Ну ладно, – сказал я. – Послушай, я звоню тебе почти по делу.

– Наверное, вы все-таки ошиблись номером, – настаивала Нина. – Я вас не знаю.

– Это я, Вадим, Вадик, Вадим Николаевич! Что с тобой?

– Ну вот! – Нина вздохнула, будто ей жаль было прекращать разговор.

– Я не знаю никакого Вадика и Вадима Николаевича.

– Простите, – извинился я и повесил трубку.

Я не сразу набрал номер снова. Конечно, я просто не туда попал. Мои пальцы не хотели звонить Нине. И набрали не тот номер. А почему они не хотели?

Я отыскал на столе пачку кубинских сигарет. Крепких, как сигары. Их, наверное, делают из обрезков сигар. Какое у меня может быть дело к Нине? Или почти дело? Никакого. Просто хотелось узнать, дома ли она. А если ее нет дома, это ничего не меняет. Она может быть, например, у мамы. Или в театре, потому что она тысячу лет не была в театре.

Я позвонил Нине.

– Нина? – спросил я.

– Нет, Вадим Николаевич, – ответила Нина. – Вы опять ошиблись. Вы какой номер набираете?

– 149-40-89.

– А у меня Арбат – один – тридцать два – пять три.

– Конечно, – сказал я. – Арбат – это четыре?

– Арбат – это Г.

– Ничего общего, – пробормотал я. – Извините, Нина.

– Пожалуйста, – сказала Нина. – Я все равно не занята.

– Постараюсь к вам больше не попадать, – пообещал я. – Где-то заклинило. Вот и попадаю к вам. Очень плохо телефон работает.

– Да, – согласилась Нина.

Я повесил трубку.

Надо подождать. Или набрать сотню. Время. Что-то замкнется в перепутавшихся линиях на станции. И я дозвонюсь. «Двадцать два часа ровно», – ответила женщина по телефону 100. Я вдруг подумал, что если ее голос записали давно, десять лет назад, то она набирает номер 100, когда ей скучно, когда она одна дома, и слушает свой голос, свой молодой голос. А может быть, она умерла. И тогда ее сын или человек, который ее любил, набирает сотню и слушает ее голос.

Я позвонил Нине.

– Я вас слушаю, – отозвалась Нина молодым голосом. – Это опять вы, Вадим Николаевич?

– Да, – сказал я. – Видно, наши телефоны соединились намертво. Вы только не сердитесь, не думайте, что я шучу. Я очень тщательно набирал номер, который мне нужен.

– Конечно, конечно, – быстро согласилась Нина. – Я ни на минутку не подумала. А вы очень спешите, Вадим Николаевич?

– Нет, – ответил я.

– У вас важное дело к Нине?

– Нет, я просто хотел узнать, дома ли она.

– Соскучились?

– Как вам сказать...

– Я понимаю, ревнуете, – предположила Нина.

– Вы смешной человек, – произнес я. – Сколько вам лет, Нина?

– Тринадцать. А вам?

– Больше сорока. Между нами толстенная стена из кирпичей.

– И каждый кирпич – это месяц, правда?

– Даже один день может быть кирпичом.

– Да, – вздохнула Нина, – тогда это очень толстая стена. А о чем вы думаете сейчас?

– Трудно ответить. В данную минуту ни о чем. Я же разговариваю с вами.

– А если бы вам было тринадцать лет или даже пятнадцать, мы могли бы познакомиться, – сказала Нина. – Это было бы очень смешно. Я бы сказала: приезжайте завтра вечером к памятнику Пушкину. Я вас буду ждать в семь часов ровно. И мы бы друг друга не узнали. Вы где встречаетесь с Ниной?

– Как когда.

– И у Пушкина?

– Не совсем. Мы как-то встречались у «России».

– Где?

– У кинотеатра «Россия».

– Не знаю.

– Ну, на Пушкинской.

– Все равно почему-то не знаю. Вы, наверное, шутите. Я хорошо знаю Пушкинскую площадь.

– Не важно, – сказал я.

– Почему?

– Это давно было.

– Когда?

Девочке не хотелось вешать трубку. Почему-то она упорно продолжала разговор.

– Вы одна дома? – спросил я.

– Да. Мама в вечернюю смену. Она медсестра в госпитале. Она на ночь останется. Она могла бы прийти и сегодня, но забыла дома пропуск.

– Ага, – согласился я. – Ладно, ложись спать, девочка. Завтра в школу.

– Вы со мной заговорили как с ребенком.

– Нет, что ты, я говорю с тобой как со взрослой.

– Спасибо. Только сами, если хотите, ложитесь спать с семи часов. До свидания. И больше не звоните своей Нине. А то опять ко мне попадете. И разбудите меня, маленькую девочку.

Я повесил трубку. Потом включил телевизор и узнал о том, что луноход прошел за смену 337 метров. Луноход занимался делом, а я бездельничал. В последний раз я решил позвонить Нине уже часов в одиннадцать, целый час занимал себя пустяками и решил, что, если опять попаду на девочку, повешу трубку сразу.

– Я так и знала, что вы еще раз позвоните, – сказала Нина, подойдя к телефону. – Только не вешайте трубку. Мне, честное слово, очень скучно. И читать нечего. И спать еще рано.

– Ладно, – согласился я. – Давайте разговаривать. А почему вы так поздно не спите?

– Сейчас только восемь, – сказала Нина.

– У вас часы отстают, – отозвался я. – Уже двенадцатый час.

Нина засмеялась. Смех у нее был хороший, мягкий.

– Вам так хочется от меня отделаться, что просто ужас, – объяснила она. – Сейчас октябрь, и поэтому стемнело. И вам кажется, что уже ночь.

– Теперь ваша очередь шутить? – спросил я.

– Нет, я не шучу. У вас не только часы врут, но и календарь врет.

– Почему врет?

– А вы сейчас мне скажете, что у вас вовсе не октябрь, а февраль.

– Нет, декабрь, – ответил я. И почему-то, будто сам себе не поверил, посмотрел на газету, лежавшую рядом, на диване. «Двадцать третье декабря» – было написано под заголовком.

Мы помолчали немного, я надеялся, что она сейчас скажет «до свидания». Но она вдруг спросила:

– А вы ужинали?

– Не помню, – сказал я искренне.

– Значит, не голодный.

– Нет, не голодный.

– А я голодная.

– А что, дома есть нечего?

– Нечего! – подтвердила Нина. – Хоть шаром покати. Смешно, да?

– Даже не знаю, как вам помочь, – сказал я. – И денег нет?

– Есть, но совсем немножко. И все уже закрыто. А потом, что купишь?

– Да, – согласился я, – все закрыто. Хотите, я пошурю в холодильнике, посмотрю, что там есть?

– У вас есть холодильник?

– Старый, – ответил я. – «Север». Знаете такой?

– Нет, – призналась Нина. – А если найдете, что потом?

– Потом? Я схвачу такси и подвезу вам. А вы спуститесь к подъезду и возьмете.

– А вы далеко живете? Я – на Сивцевом Вражке. Дом 15/25.

– А я на Мосфильмовской. У Ленинских гор. За университетом.

- Опять не знаю. Только это не важно. Вы хорошо придумали, и спасибо вам за это. А что у вас есть в холодильнике? Я просто так спрашиваю, не думайте.
- Если бы я помнил, – пробормотал я. – Сейчас перенесу телефон на кухню, и мы с вами посмотрим.
- Я прошел на кухню, и провод тянулся за мной, как змея.
- Итак, – сказал я, – открываем холодильник.
- А вы можете телефон носить с собой? Никогда не слышала о таком.
- Конечно, могу. А ваш телефон где стоит?
- В коридоре. Он висит на стенке. И что у вас в холодильнике?
- Значит, так... что тут, в пакете? Это яйца, неинтересно.
- Яйца?
- Ага. Куриные. Вот, хотите, принесу курицу? Нет, она французская, мороженая. Пока вы ее сварите, совсем проголодаетесь. И мама придет с работы. Лучше мы возьмем колбасы. Или нет, нашел марокканские сардины, шестьдесят копеек банка. И к ним есть полбанки майонеза. Вы слышите?
- Да, – ответила Нина совсем тихо. – Зачем вы так шутите? Я сначала хотела засмеяться, а потом мне стало грустно.
- Это еще почему? В самом деле так проголодались?
- Нет, вы же знаете.
- Что я знаю?
- Знаете, – настаивала Нина. Потом помолчала и добавила: – Ну и пусть! Скажите, а у вас есть красная икра?
- Нет, – признался я. – Зато есть филе палтуса.
- Не надо, хватит, – сказала Нина твердо. – Давайте отвлечемся. Я же все поняла.
- Что поняла?
- Что вы тоже голодный. А что у вас из окна видно?
- Из окна? Дома, копировальная фабрика. Как раз сейчас, полдвенадцатого, смена кончается. И много девушек выходит из проходной. И еще виден «Мосфильм». И пожарная команда. И железная дорога. Вот по ней сейчас идет электричка.
- И вы все видите?
- Электричка, правда, далеко идет. Видна только цепочка огоньков, окон!
- Вот вы и врете!
- Нельзя так со старшими разговаривать, – отозвался я. – Я не могу врать. Я могу ошибаться. Так в чем же я ошибся?
- Вы ошиблись в том, что видите электричку. Ее нельзя увидеть.
- Что же она, невидимая, что ли?
- Нет, она видимая, только окна светиться не могут. Да вы вообще из окна не выглядывали.
- Почему? Я стою перед самым окном.
- А у вас в кухне свет горит?
- Конечно, а как же я в темноте в холодильник бы лазил. У меня в нем перегорела лампочка.
- Вот, видите, я вас уже в третий раз поймала.

– Нина, милая, объясни мне, на чем ты меня поймала.

– Если вы смотрите в окно, то откинули затемнение. А если откинули затемнение, то потушили свет. Правильно?

– Неправильно. Зачем же мне затемнение? Война, что ли?

– Ой-ой-ой! Как же можно так завираться? А что же, мир, что ли?

– Ну, я понимаю, Вьетнам, Ближний Восток... Я не об этом.

– И я не об этом... Пойдите, а вы инвалид?

– К счастью, все у меня на месте.

– У вас бронь?

– Какая бронь?

– А почему вы тогда не на фронте?

Вот тут я в первый раз заподозрил неладное. Девочка меня вроде бы разыгрывала. Но делала это так обыкновенно и серьезно, что чуть было меня не испугала.

– На каком я должен быть фронте, Нина?

– На самом обыкновенном. Где все. Где папа. На фронте с немцами. Я серьезно говорю, я не шучу. А то вы так странно разговариваете. Может быть, вы не врите о курице и яйцах?

– Не вру, – признался я. – И никакого фронта нет. Может быть, и в самом деле мне подъехать к вам?

– Так я в самом деле не шучу! – почти крикнула Нина. – И вы перестаньте. Мне было сначала интересно и весело. А теперь стало как-то не так. Вы меня простите. Как будто вы не притворяетесь, а говорите правду.

– Честное слово, девочка, я говорю правду, – сказал я.

– Мне даже страшно стало. У нас печка почти не греет. Дров мало. И темно. Только коптилка. Сегодня электричества нет. И мне одной сидеть ой как не хочется. Я все теплые вещи на себя накутала.

И тут же она резко и как-то сердито повторила вопрос:

– Вы почему не на фронте?

– На каком я могу быть фронте? Какой может быть фронт в семьдесят втором году?!

– Вы меня разыгрываете?

Голос опять сменил тон, был он недоверчив, был он маленьким, три вершка от пола. И невероятная, забытая картинка возникла перед глазами – то, что было со мной, но много лет, тридцать или больше лет назад. Когда мне тоже было двенадцать лет. И в комнате стояла «буржуйка». И я сижу на диване, подбрав ноги. И горит свечка, или это была керосиновая лампа? И курица кажется нереальной, сказочной птицей, которую едят только в романах, хотя я тогда не думал о курице...

– Вы почему замолчали? – спросила Нина. – Вы лучше говорите.

– Нина, – сказал я, – какой сейчас год?

– Сорок второй, – ответила Нина.

И я уже складывал в голове ломтики несообразностей в ее словах. Она не знает кинотеатра «Россия». И номер телефона у нее только из шести цифр. И затемнение...

– Ты не ошибаешься? – спросил я.

– Нет, – стояла на своем Нина.

Она верила в то, что говорила. Может, голос обманул меня? Может, ей не тринадцать лет? Может, она сорокалетняя женщина, заболела еще тогда, девочкой, и ей кажется, что она осталась там, где война?

– Послушайте, – сказал я спокойно, – не вешайте трубку. Сегодня двадцать третье декабря 1972 года. Война кончилась двадцать семь лет назад. Вы это знаете?

– Нет, – сказала Нина.

– Теперь знайте. Сейчас двенадцатый час... Ну как вам объяснить?

– Ладно, – сказала Нина покорно. – Я тоже знаю, что вы не привезете мне курицу. Мне надо было догадаться, что французских кур не бывает.

– Почему?

– Во Франции немцы.

– Во Франции давным-давно нет никаких немцев. Только если туристы. Но немецкие туристы бывают и у нас.

– Как так? Кто их пускает?

– А почему не пускать?

– Вы не вздумайте сказать, что фрицы нас победят! Вы, наверное, просто вредитель или шпион?

– Нет, я работаю в СЭВе, в Совете Экономической Взаимопомощи. Занимаюсь венграми.

– Вот и опять врете! В Венгрии фашисты.

– Венгры давным-давно прогнали своих фашистов. Венгрия – социалистическая республика.

– Ой, а я уж боялась, что вы и в самом деле вредитель. А вы все-таки все выдумываете. Нет, не возражайте. Вы лучше расскажите мне, как будет потом. Придумайте что хотите, только чтобы было хорошо. Пожалуйста. И извините меня, что я так с вами грубо разговаривала. Я просто не поняла.

И я не стал больше спорить. Как объяснить это? Я опять представил себе, как сижу в этом самом сорок втором году, как мне хочется узнать, когда наши возьмут Берлин и повесят Гитлера. И еще узнать, где я потерял хлебную карточку за октябрь. И сказал:

– Мы победим фашистов 9 мая 1945 года.

– Не может быть! Очень долго ждать.

– Слушай, Нина, и не перебивай. Я знаю лучше. И Берлин мы возьмем второго мая. Даже будет такая медаль – «За взятие Берлина». А Гитлер покончит с собой. Он примет яд. И даст его Еве Браун. А потом эсэсовцы вынесут его тело во двор имперской канцелярии, и обольют бензином, и сожгут.

Я рассказывал это не Нине. Я рассказывал это себе. И я послушно повторял факты, если Нина не верила или не понимала сразу, возвращался, когда она просила пояснить что-нибудь, и чуть было не потерял вновь ее доверия, когда сказал, что Сталин умрет. Но я потом вернул ее веру, поведав о Юрии Гагарине и о новом Арбате. И даже насмешил Нину, рассказав о том, что женщины будут носить брюки-клеш и совсем короткие юбки. И даже вспомнил, когда наши перейдут границу с Пруссией. Я потерял чувство реальности. Девочка Нина и мальчишка Вадик сидели передо мной на диване и слушали. Только они были

голодные как черти. И дела у Вадика обстояли даже хуже, чем у Нины: хлебную карточку он потерял, и до конца месяца им с матерью придется жить на одну карточку – рабочую карточку, потому что Вадик посеял свою где-то во дворе, и только через пятнадцать лет он вдруг вспомнит, как это было, и будет снова расстраиваться, потому что карточку можно было найти даже через неделю; она, конечно, свалилась в подвал, когда он бросил на решетку пальто, собираясь погонять в футбол. И я сказал, уже потом, когда Нина устала слушать то, что полагала хорошей сказкой:

– Ты знаешь Петровку?

– Знаю, – сказала Нина. – А ее не переименуют?

– Нет. Так вот...

Я рассказал, как войти во двор под арку и где в глубине двора есть подвал, закрытый решеткой. И если это октябрь сорок второго года, середина месяца, то в подвале, вернее всего, лежит хлебная карточка. Мы там, во дворе играли в футбол, и я эту карточку потерял.

– Какой ужас! – сказала Нина. – Я бы этого не пережила. Надо сейчас же ее отыскать. Сделайте это.

Она тоже вошла во вкус игры, и где-то реальность ушла, и уже ни она, ни я не понимали, в каком году мы находимся, – мы были вне времени, ближе к ее сорок второму году.

– Я не могу найти карточку, – объяснил я. – Прошло много лет. Но если сможешь, зайди туда, подвал должен быть открыт. В крайнем случае скажешь, что карточку обронила ты.

И в этот момент нас разъединили.

Нины не было. Что-то затрещало в трубке, женский голос произнес:

– Это 143-18-15? Вас вызывает Орджоникидзе.

– Вы ошиблись номером, – ответил я.

– Извините, – сказал женский голос равнодушно.

И были короткие гудки.

Я сразу же набрал снова Нинин номер. Мне нужно было извиниться. Нужно было посмеяться вместе с девочкой. Ведь получилась, в общем, чепуха...

– Да, – сказал голос Нины. Другой Нины.

– Это вы? – спросил я.

– А, это ты, Вадим? Что, тебе не спится?

– Извини, – сказал я. – Мне другая Нина нужна.

– Что?

Я повесил трубку и снова набрал номер.

– Ты с ума сошел? – спросила Нина. – Ты пил?

– Извини, – сказал я и снова бросил трубку.

Теперь звонить было бесполезно. Звонок из Орджоникидзе все вернул на свои места. А какой у нее настоящий телефон? Арбат – три, нет, Арбат – один – тридцать два – тринадцать... Нет, сорок...

Взрослая Нина позвонила мне сама.

– Я весь вечер сидела дома, – сказала она. – Думала, ты позвонишь, объяснишь, почему ты вчера так вел себя. Но ты, видно, совсем сошел с ума.

– Наверное, – согласился я. Мне не хотелось рассказывать ей о длинных разговорах с другой Ниной.

– Какая еще другая Нина? – спросила она. – Это образ? Ты хочешь видеть меня иной?

– Спокойной ночи, Ниночка, – сказал я. – Завтра все объясню.

...Самое интересное, что у этой странной истории был не менее странный конец. На следующий день утром я поехал к маме. И сказал, что разберу антре-соли. Я три года обещал это сделать, а тут приехал сам. Я знаю, что мама ничего не выкидывает. Из того, что, как ей кажется, может пригодиться. Я копался часа полтора в старых журналах, учебниках, разрозненных томах приложений к «Ниве». Книги были не пыльными, но пахли старой, теплой пылью. Наконец я отыскал телефонную книгу за 1950 год. Книга распухла от вложенных в нее записок и заложённых бумажками страниц, углы которых были обтрепаны и замусолены. Книга была настолько знакома, что казалось странным, как я мог ее забыть, – если б не разговор с Ниной, так бы никогда и не вспомнил о ее существовании. И стало чуть стыдно, как перед честно отслужившим костюмом, который отдают старьевщику на верную смерть.

Четыре первые цифры известны. Г-1-32... И еще я знал, что телефон, если никто из нас не притворялся, если надо мной не подшутили, стоял в переулке Сивцев Вражек, в доме 15/25. Никаких шансов найти телефон не было. Я уселся с книгой в коридоре, вытащив из ванной табуретку. Мама ничем не поняла, улыбнулась только, проходя мимо, и сказала:

– Ты всегда так. Начинаешь разбирать книги, зачитываешься через десять минут, и уборке конец.

Она не заметила, что я читаю телефонную книгу.

Я нашел этот телефон. Двадцать лет назад он стоял в той же квартире, что и в сорок втором году. И записан был на Фролову К.Г.

Согласен, я занимался чепухой. Искал то, чего и быть не могло. Но вполне допускаю, что процентов десять вполне нормальных людей, окажись они на моем месте, сделали бы то же самое. И я поехал на Сивцев Вражек.

Новые жильцы в квартире не знали, куда уехали Фроловы. Да и жили ли они здесь? Но мне повезло в домоуправлении. Старенькая бухгалтерша помнила Фроловых, с ее помощью я узнал все, что требовалось, через адресный стол.

Уже стемнело. По новому району среди одинаковых панельных башен гуляла поземка. В стандартном двухэтажном магазине продавали французских кур в покрытых инеем прозрачных пакетах. У меня появился соблазн купить курицу и принести ее, как обещал, хоть и с тридцатилетним опозданием. Но я хорошо сделал, что не купил ее. В квартире никого не было. И по тому, как гулко разносился звонок, мне показалось, что здесь люди не живут. Уехали.

Я хотел было уйти, но потом, раз уж забрался так далеко, позвонил в дверь рядом.

– Скажите, Фролова Нина Сергеевна – ваша соседка?

Парень в майке, с дымящимся паяльником в руке, ответил равнодушно:

– Они уехали.

– Куда?

– Месяц как уехали на Север. До весны не вернутся. И Нина Сергеевна, и муж ее.

Я извинился, начал спускаться по лестнице. И думал, что в Москве, вполне вероятно, живет не одна Нина Сергеевна Фролова 1930 года рождения.

И тут дверь сзади снова растворилась.

– Погодите, – сказал тот же парень. – Мать что-то сказать хочет.

Мать его тут же появилась в дверях, запахивая халат.

– А вы кем ей будете?

– Так просто, – ответил я. – Знакомый.

– Не Вадим Николаевич?

– Вадим Николаевич.

– Ну вот, – обрадовалась женщина, – чуть было вас не упустила. Она бы мне никогда этого не простила. Нина так и сказала: не прощу. И записку на дверь приколола. Только записку, наверное, ребята сорвали. Месяц уже прошел. Она сказала, что вы в декабре придете. И даже сказала, что постарается вернуться, но далеко-то как...

Женщина стояла в дверях, глядела на меня, словно ждала, что я сейчас открою какую-то тайну, расскажу ей о неудачной любви. Наверное, она и Нину пыталась: кто он тебе? И Нина тоже сказала ей: «Просто знакомый».

Женщина выдержала паузу, достала письмо из кармана халата.

«Дорогой Вадим Николаевич!

Я, конечно, знаю, что вы не придете. Да и как можно верить детским мечтам, которые и себе самой уже кажутся только мечтами. Но ведь хлебная карточка была в том самом подвале, о котором вы успели мне сказать...»